

Бенде Гузель окъума вар!
Подстрочный перевод:
Почему все любят розу

.....
И мама меня любит тоже

.....
Но почему, почему интересно?
В чем причина этой любви?

.....
У розы есть хороший аромат!
А у меня – хорошее учение! [4, с. 37]

Поэт подчеркивает, что все созданное в этом мире имеет определенную функцию, свое предназначение. Если роза создана, чтобы благоухать, радовать глаз и дарить пленительный аромат, то человек создан, чтобы познавать и стремиться к знаниям. Этому он пытается научить и своих воспитанников.

Продолжая мысль о сущности знаний, автор пишет:

Бильмек эльбет дегиль ми ихсан?
Сорсалар – бен оны бильмейим демеден. [4, с. 60].
Подстрочный перевод:
Не благое ли дело знать?
Не говоря не знаю, если спросят.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что будучи педагогом, УмерСами, видел свое предопределение как учителя в воспитании чувства любви к знаниям, которые облагораживают человека и являются истинным человеческим предназначением. Видя всю трагичность народной судьбы, обездоленной и лишенной духовного богатства, Умер Сами не мог остаться равнодушным и безучастным, он всеми силами пытался взрастить стремление своего народа к просветительству, возродить его растоптанный духовный мир.

В написании своих произведений он ставил своей основной задачей удовлетворить пытливые детские умы, дать ответы на волнующие их вопросы на простом и понятном для них языке. Ознакомить их с интересным и увлекательным окружающим миром, воспитать в них уважение к природе, привить любовь к знаниям и учению, указать им верный путь в жизнь. Муаллим Сами прекрасно понимал, насколько ответственной была его задача, ибо его педагогическая деятельность была одной из составляющих основ в формировании дальнейшего интеллектуального потенциала крымских татар.

Источники и литература:

1. Багъчасарайда оджаларнынъ эдебият акъшамаы // Енъи дюнъя. – 1928. – январь 27.
2. Керим И. А. Меденийэснас: 1920–1938. – Акъмесджит, 1997. – 496 с.
3. Керимов И. А. XIX асырнынъ сонъу ХХ асырнынъ башында кырымтатар бедий сезюнинъ эврими. – Симферополь, 1998. – 184 с.
4. Ö. Sami. Çocuqlara arqadaş. Qıraat. Birinci kitap. – Bağçasaray, 1910. – 136s.
5. Ö. Sami. Çocuqlara arqadaş. Qıraat. Birinci kitap. Üçüncü tab'ı. – Петроград, 1914. – 87s.
6. Ö. S. Arbatlı. Qırımda Rüştiye mektepleriniñ açılması ve tesirleri // Emel. – İstanbul, №26 (1965) – s. 19–20.

Норец М.В.

УДК: 82–1/–9

ЖАНРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ШПИОНСКОГО РОМАНА В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ МЫСЛИ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ» ВОЙНЫ

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению жанра шпионского романа в западноевропейском литературоведении периода 40–80 гг. XX века. Этот жанр оказался самым подходящим для выражения идеологии «холодной войны». В западной печати и в художественной литературе этих десятилетий создавался и культивировался образ врага, которого разоблачают и побеждают защитники системы.

Ключевые слова: шпионский роман, жанр, идеология, «холодная война», шпион.

Анотація. Дане дослідження присвячене вивченню жанру шпигунського роману в західноєвропейському літературознавстві періоду 40–80 рр. XX століття. Цей жанр виявився самим підходящим для вираження ідеології «холодної війни». У західній пресі й у художній літературі цих десятиліть створювався й культивувався образ ворога, якого викривають і перемагають захисники системи.

Ключові слова: шпигунський роман, жанр, ідеологія, «холодна війна», шпигун.

Summary. This research work is dedicated to studying the genre of the spy novel in West European literary criticism of the 40–80th of the XX century. This genre turned out to be the most suitable for expressing the ideology of “cold war”. In western mass media and literature of these years the image of the enemy who is found and fought was made up and cultivated.

In the western as well as in the former USSR mass media and in belles-lettres of these decades the negative picture of the opponent was drawn, the opponent who is unmasked and punished by the defenders of the system. The detective literature which goes as far back as the previous century, as the romanticism epoch, when the protagonists were divided into “black” criminals and “white” with no spot noble heroes, has saved its contrast till nowadays. The only thing is that the place of a former robber or a murderer was occupied by the agent of a

foreign state. Under condition of "cold war" such agent was practically always the spy from the socialistic countries with his command and as his antagonist a noble hero was usually the representative of the state intelligence service, the defender of the social and political system, and the spokesman of its ideology.

Key words: *spy novel, genre, ideology, "cold war", spy.*

В западноевропейском шпионском романе послевоенного периода А. Саруханян выделяет творчество Я. Флеминга [2] – «после 2-й мировой войны традицию Бакена развил Флеминг, угадавший желание послевоенного читателя вновь обратиться к героическим приключениям шпиона – джентльмена, хотя своим протагонистом он сделал не любителя, а профессионала высокого класса» [4].

Флеминг воспроизвёл жанровую доминанту шпионского романа: агент для выполнения возложенной на него миссии отправляется на вражескую территорию, чтобы раскрыть замыслы врага, которые, по нашему мнению, рисуются в духе научной фантастики, и обезвредить его. Остросюжетное повествование строится как череда побед и поражений, пленения и неожиданного спасения. В лице Джеймса Бонда Флеминг создал лишённого сомнений человека действия, воспринятого массовым сознанием как супергерой, тогда как он был всего лишь «замечательной машиной» в руках его вездесущего шефа.

А. Саруханян, относит произведения Я. Флеминга о Джеймсе Бонде к жанру «ромэнс». Многие элементы восходят к известным литературным и мифологическим источникам (Рыцарь, сражающийся с Драконом, смелый и любвеобильный Эрос, несущий смерть Танатос). На наш взгляд, главный герой бондианы не ставил себе целью стать благородным рыцарем для одной единственной горячо и платонически любимой красавицы, а выполнял миссию, возложенную на него государством, а женщины, в его случае, выступали лишь вспомогательным инструментом для достижения поставленной цели. Или, как правило, наоборот мешали достижению поставленной целью своими предательствами.

Как отмечает А. Саруханян, в период «холодной» войны жанр шпионского романа переживает свой расцвет. «Культ Бонда был не таким уж длительным. В 60-е гг. он перешёл в мир киноиндустрии, в литературе же на первый план выдвинулись антибондовские настроения. Расцвет шпионского романа пришёлся на десятилетия «холодной войны» [4].

Думается, что интерес к нему подогревался разоблачением реальных шпионов, знаменитых англичан-интеллектуалов (Гай Берджесс, Д. Маклин, Ким Филби, Джордж Блейк), работавших на СССР из идейных соображений. Тогда же обнаружилось потенциальные возможности жанра, актуализировалась традиция Дж. Конрада, который изобразил мир, искажённый атмосферой секретности, двуличностью и предательством, и ввёл тему двойного агента («Тайный агент», 1907; «На взгляд Запада», 1911). Но с нашей точки зрения, наибольшим было влияние Грэма Грина, что признавали самые известные авторы шпионских романов. Романы и антология Грина «Настольная книга шпиона» (1957) говорят о его понимании этого жанра как способа моделирования экстремальных ситуаций для постановки существенных проблем. Вслед за Конрадом он выразил представление о XX в. как об эпохе всеобщей конспирации, в сетях которой может оказаться любой человек.

Юрий Уваров в предисловии к сборнику «Французский шпионский роман» изданный в Москве в 1992 г. в «Политиздате», утверждает, что жанр шпионского романа в 50–80 е годы на Западе, а в частности во Франции, приобрёл необычайную популярность. «Миллионы читателей привлекает в этом жанре то, что он сохраняет ряд важнейших функций, во многом утраченных в так называемой «серьезной литературе». Он создает образы «положительных героев» в лице детективов – контрразведчиков, борющихся с темными силами, готовыми нарушить покой, безопасность и сломать привычный уклад жизни законопослушных граждан. В книгах этого жанра немало увлекательной и интересной информации о современном мире, они в мгновение ока переносят читателя в самые разные точки земного шара. И наконец, эти книги популярны еще и потому, что отвечают жгучей потребности в экзотике, в необычном, ярком, значительном, не похожем на серую, обыденную повседневность» [1].

Мы позволим себе не согласиться с мнением Ю. Уварова в данном контексте, где он противопоставляет «детективов – контрразведчиков» «тёмным силам». По нашему мнению, чёткой жанровой доминантой шпионского романа есть противопоставление представителя спецслужбы того или иного государства разведывательному или контрразведывательному органу противостоящего государства.

Далее Ю. Уваров представляет своё видение жанрового кода шпионского романа – «Шпионский роман» не может быть сведен к какому-то одному типу. Он очень неоднороден, имеет много разновидностей. Мы представляем читателям варианты, характерные для разных этапов развития жанра, который вырос внутри детективной литературы и поначалу выделялся только тем, что в отличие от традиционного «уголовного» детектива в центре внимания здесь преступление, наносящее ущерб государству, а не отдельной личности» [1].

По нашему мнению идея Ю. Уварова является по сути своей верной, так как шпионский роман корнями уходит в один из видов детективного жанра, который, впоследствии, приобретя ряд характерных ему черт «отпочковался» позже в отдельный жанр.

Далее, Ю. Уваров достаточно точно определяет «прародителя» шпионского романа во Франции: «Во Франции книги этого жанра не появлялись довольно долго. Включенный в наш сборник роман Пьера Нора «Двойное преступление на линии Мажино» (1936) был первым французским «шпионским романом» [1].

На наш взгляд в Западном литературоведении прослеживается тенденция, подобная в СССР периода «холодной войны» – приход отставных офицеров в литературу и, как следствие, детализация методов работы спецслужб.

Ю. Уваров в своем предисловии подтверждает наше предположение. «Автор был подготовлен к роли основателя «шпионского» жанра своей биографией. Когда роман «Двойное преступление на линии

Мажино» появился в печати, его создатель был офицером контрразведки с солидным стажем. Его подлинное имя – Андре Бруйяр» [1].

Также как и в СССР, в этот же период времени, автор не имеет права раскрывать секреты своей служебной деятельности. Поэтому он вводит в текст значительную долю художественного вымысла и рассказывает не о том, что именно он там делал, чем занимался, а создает увлекательный сюжет. Но прежде всего, он скрывает свое собственное имя, и вместо Андре Бруйяра появляется Пьер Нор (нетрудно заметить, что в качестве псевдонима взято название провинции, где он родился).

При всей своей приверженности почти документальной точности автор сохранил, однако, верность сугубо книжной, чисто литературной традиции в создании детективного сюжета. Хотя совершенно очевидно, что события происходят в середине 30–х годов XX века, в конкретных условиях, ход повествования и сама манера изложения заметно отдают стариной. Такого рода детективное расследование, которое представлено в этом первом французском «шпионском романе», вполне могли бы вести герои Эмиля Габорио, Конан Дойла или Гастона Леру – авторов XIX – начала XX века. У Пьера Нора сохраняется присущая классикам жанра атмосфера подчеркнутой таинственности, загадочности. Для него характерно обилие деталей и частных, усложняющих поиск, что должно было свидетельствовать об особой изощренности злодея–преступника и оттенять мудрость детектива–расследователя, который умело распутывает этот гордиев узел и раскрывает тайну преступления.

Ю. Уваров даёт оценку развития жанра шпионского романа после второй мировой войны: «После второй мировой войны и вплоть до 80–х годов во французском детективном романе, в том числе и в первой его «шпионской» ветви, произошли кардинальные перемены. Классические образцы жанра практически отошли в прошлое, стали анахронизмом. Еще до второй мировой войны в США возникает новый тип детективной прозы – так называемый «триллер» (от англ. thriller – вызывающий дрожь). Его называют также «крутым» детективом. В романах этого типа, «борясь со злом», детектив полагается уже не столько на интеллект и научные познания, сколько на свою ловкость, находчивость, быстроту реакции, а также на физическую силу и меткость. Тут уже не до логических выкладок и не до психологического анализа. Описания убийств, погонь, драк и интимных сцен занимают в романе значительно больше места, чем рассказ о постепенном и вдумчивом раскрытии тайны преступления» [1].

На наш взгляд, в другой разновидности романов, напротив, подчеркиваются интеллектуальные и духовные качества главного героя – защитника «свободного мира». «При этом у него обязательно железные мускулы, он метко стреляет и не пасует перед дамами, когда это нужно для дела» [3].

Ю. Уваров утверждает, что «особенно большой популярностью стал пользоваться первый тип «шпионского романа». Но и «шпионские романы» «романтического» направления также завоевали сердца множества читателей. Их герои, хотя и работают чаще всего на ЦРУ (что соответствует их «идеологической задаче»), фактически выступают защитниками не столько Америки, сколько общечеловеческих ценностей, оказавшихся под угрозой. Очевидно, что столь благородная миссия должна выполняться героями, наделенными только положительными качествами» [3].

Таким образом, этот жанр оказался самым подходящим для выражения идеологии «холодной войны», которая, как известно, длилась с конца 40–х годов и практически до второй половины 80–х годов, испытывая в разные годы то приливы, то отливы. В западной (да и в советской) печати и в художественной литературе этих десятилетий создавался и культивировался образ врага, которого разоблачают и побеждают защитники системы. Детективная литература, возникшая в прошлом веке, в эпоху романтизма с его делением персонажей на черных злодеев и белых без пятнышка благородных героев, сохранила в себе эту контрастность вплоть до наших дней. Только место бывшего злодея – грабителя или убийцы – занял агент иностранной державы. В обстановке «холодной войны» таким агентом почти всегда являлся шпион из стран социализма со своими подручными, а в качестве его антипода – благородного героя – выступал представитель спецслужб – защитник социальной и политической системы и выразитель ее идеологии.

Источники и литература:

1. Двойное преступление на линии Мажино [предисловие Уваров Ю.]. – М.: Политиздат, 1992 г. – 412 с.
2. Флеминг Й. Собрание сочинений в 7 томах / Йен Флеминг. – М.: Терра–Книжный клуб, 2008. – 2664 с.
3. Хоста М. Шпионский роман. Попытка краткого обзора. [Электронный ресурс] / М. Хоста, А. Верховский. – Режим доступа к книге : <http://www.agentura.ru/forum/archive/4047.html>
4. Энциклопедический словарь английской литературы XX века / [отв. ред. А.П. Саруханян]. – М.: Наука, 2005. – 541 с.